

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

ТРИ
ПОВЕСТИ
О ЧУДЕСАХ

ЧИСТАЯ ФЭНТЕЗИ

Генри Лайон Олди
Рассказы очевидцев, или Архив
Надзора Семерых (сборник)
Серия «Рассказы очевидцев,
или Архив Надзора Семерых»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154987
Три повести о чудесах: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25972-4*

Аннотация

Подборка историй, случившихся в Реттии и её окрестностях. Злоупотребления магией, мифология, обман населения, нюансы проклятий, дуэль магов и т. д.

Эти и другие подобные случаи тщательно собирает и изучает таинственный орден-невидимка «Надзор семерых». Хранит тексты – верховный архивариус Гувальд Мотлох.

Содержание

Старое доброе зло	5
Дуэль	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Генри Лайон Олди Рассказы очевидцев, или Архив Надзора Семерых (сборник)

Старое доброе зло

*Из тайных архивов Нихона
Седовласца, автор неизвестен.*

*После исчезновения Нихона в Жжёном Покляпце
собрание текстов в присутствии лейб-
стряпчего Антоина Д'Эрнона передано
Гувальду Мотлоху, верховному архивариусу
Надзора Семерых, для заключения под стражу.*

*Частично публикуется согласно «Декреталию
об утечке», п араграф «Альтернативная
информация: предостережение»*

Небытие отпускало без особой охоты. Чмокало, ворчал; всхрапывало. Краткие всплески сознания, мутного спросонок, – как толчки бьющей из раны крови. Ноздри щекочет (у меня уже есть ноздри?!), освежая и дразня, запах серы. Подземные испарения, рудничный газ, аромат тлена и разложения. Благовония сразу придают бодрость телу. Тело?! – разумеется. Я всегда просыпаюсь в плотском облике. Традиция. Если только полное отсутствие в течение четырех тысячелетий можно назвать сном.

Можно.

Просыпаюсь.

Стали доступны чувства. Не все, жалкий огрызок бывшего спектра, но и на этом спасибо. Лесным пожаром вспыхнула жадность нетерпения: коснуться, вобрать, насладиться! Тянусь во все стороны, душой, существование которой у меня более чем спорно, эманациями, наличие которых безусловно, щупальцами тончайшей тьмы. Прочь! за границы плоти! в ласковый мрак Цитадели. Блаженный озноб сырости вливается в рассудок. Острые иглы кристаллов умбронита, какие растут лишь здесь, веками вбирая боль ожидания, пронзают кожу, вливая сладкий яд обреченности. Глубже, глубже!.. Жаль, сейчас я слишком слаб для этого удовольствия. Хватит, я сказал! Тихое урчание: это поток исконной бленны, подземная река, где мертвое превращается в живое, а живое – в странное, кружась в паводке метаморфоз. Моя колыбель, убежище для спящего Владыки и легионов Хаоса,

которые вскоре затопят наружный мир! Твердь и небеса содрогнутся от симфонии «Vexatio Grande»; так было бессчетное число раз, так будет снова – и да будет так во веки веков!

Ах, мечты, мечты!

Иногда на меня находит. В позапрошлый раз вообще не хотелось вставать, выбираться на поверхность... Лежу, понимаешь, мечтаю о высоком. Нет чтобы заняться делом, воплотить грезы в жизнь... А в итоге? Упустил пару веков, сущий пустяк, а едва выбрался наружу – смотрю, ждут. Нехорошо получилось, некрасиво. Вульгарно. Даже Вульгегину поднять не успел.

Вульгегина! Девочка моя!

Я уже хочу тебя.

Входить в твоё жаждущее нутро, снова и снова, содрогаюсь от болезненного наслаждения; шкварчающие струи бленны омывают нас, единое целое, сплавившееся в пароксизме блаженства. И апофеоз любви – мое тело, опустошенное и безвольное, рвут безжалостные челюсти Черной Вдовы, чтобы останки скользнули в оплодотворенную утробу, растворяясь под напором едкой влаги. Мы сольемся воедино, теснее, чем сотни тысяч любовников. Вечность минет вспышкой молнии, дабы я восстал не из Цитадели, слаб и ничтожен, а из твоей утробы, крошка моя! – обновленный, в мощи и славе, готовый возглавить армады Зла.

Армады ты извергнешь вслед за мной, прежде чем впасть в спячку.

Геремалумы, мортиферы, вектоморбусы, мисерии, формидонты, феррорки, вокафунусы, гестаторменты, мортикулы, либитинии, инфернефусы, бестистраги... И местные искаженцы, кто встанет под мои знамена на поверхности. Правда, с местными будет трудно – за прошедшие века Адепты Света, победители в последней схватке, наверняка извратили природу большинства достойных существ. А самых непримиримых извели под корень. Ничего, справлюсь. Мне не привыкать. В любом случае пора брать в руки кисть и приступать к сотворению нового шедевра. А сопротивление лишь расцветит полотно новыми красками: охра ненависти, кармин вскрытых жил, чернь смерти, алые сполохи пожаров и сверканье стали. Палитра Черного Владыки. В конце концов, без воинствующей добродетели Адептов было бы скучно: создание Царства Зла невозможно вне разрушения.

Что ж, наверху в избытке найдется что разрушить!
«Наслаждайся!» – вот мой девиз.

Тянусь сквозь вечную ночь Цитадели, нащупывая зародыш Вульрегины. Бессмертная малютка спит, погружена в материнскую слизь Большой Ямы. Властным толчком я пробуждаю девочку, ощутив, как от нее к потоку бленны метнулись отростки кормящих щупальцев. Ешь на здоровье. Пройдет пять-шесть месяцев, прежде чем ты раздуешься до размеров, позволяющих совокупление.

...присосалась. Чавкает.

Самое время разрешить себе легкую прогулку. Завести

знакомства, приглядеться к будущему полю боя. Владыка бодр и весел, чего и вам желает!

– Нор’астор одчайнур, беле строматос а’Мни...

Над головой – небо гнусной, навязчивой голубизны. Хуже, чем глаза младенца! Бесстыже-нагое солнце вместо того, чтобы выжигать глаза (иногда это бывает приятно!), заставляло их слезиться. Экая пошлость! Пришлось опустить вторые, стеклистые веки. Помогло. Заодно пожухла дурацкая зелень травы. Кудрявая радость Адепта! Кстати, насчет «пожухла»... Это веки гасят аляповатую безвкусицу – или начинает действовать мой смертоносный взгляд?

Хотелось бы, но вряд ли.

Рановато.

На запястье села омерзительная эфемерида. Радуга крылышек, длинные усики и нежное продолговатое тельце. Дурашка, подумай, куда тебя угораздило опуститься! Или в тебе, уродце-однодневке, есть тайные ростки Темного Начала?! Никогда бы не подумал... Да и чутье подсказывает: нет. Хотя с моим, еще ущербным восприятием... Вторые веки налились пурпуром. Мрачное свечение окутало гостью. Под взглядом Черного Владыки крылья существа быстро твердели и заострялись на концах, тельце покрыла броня хитина, топорщась шипастыми чешуйками, лапки обзавелись коготками с очаровательными каплями яда на концах; и наконец из-под щитка, прикрывшего уязвимую головку, высунулись

кривые жвала. Прелесть! Чудо! Красота есть смертоносная целесообразность, добровольно обращенная ко злу. Надо будет запомнить для грядущих поколений...

Тварь с треском расправила крылья. Взмыла в воздух, хищно сделав круг. Растроганно я следил за полетом дивного творенья. И тут жалкая, наивная ласточка решила пообедать. Отчаянный птичий крик, комок перьев, судорожно трепыхаясь, рушится наземь, а дитя Владыки вгрызается в живую плоть, спеша достать сердце, бьющееся в агонии. Изящно. Маленький шедевр: перышки живописно разбросаны, птичка распластана на земле, и в разодранной грудке с деловитым щелканьем копошится малыш-убийца.

С сожалением отрываюсь от радующей глаз картины. Надо будет при случае сотворить крошке достойную пару. Пусть плодятся и размножаются. Но сейчас есть дела поважнее.

И поинтереснее.

Эта пыточная сразу пришлась мне по сердцу.

Крылось в застенке – куцем, нищем рядом с роскошью былых мучилищ! – тайное очарование примитивизма. Чтобы понять, представьте себе доступный образ: воин-кастрат лишен конечностей, вместе с языком утратил возможность изрыгать брань, и лишь глаза пылают неукротимым огнем. В ожидании каленого шила. Впрочем, здесь допустима иная параллель: первые шаги любимого ребенка. Пустяк, разуме-

ется, в сравнении с броском голодного крокодила или полетом стервятника над падалью, но смотришь с умилением. Общее звучание пыточной напоминало «Lacrimosa», иначе «Слёзную», из «Jah'Ziccur Passion» в постановке Эгеля Паленого, прозванного меж коллегами «Днем Гнева». Помнится, на премьере, в финале «Страстей», когда Нюргедский хребет лопался багровыми пузырями, скалы тонули в слюне живого вулкана Томаринду, а Пять Армий сливались на поле брани в сумрачной, неустойчивой гармонии... Проклятье, трудно вспоминать без рыданий! Эгель тогда не выдержал: отшвырнул дирижерский посох, по нисходящей хроматической фразе кинулся в заклтый костер, вспыхнул вдохновением, полторы минуты держал сумасшедшее ми-диез и с мощью исполина духа подвел черту под собственным гением.

Но сегодня речь шла не об экспрессии мистерий, а скорее о камерном ариозо.

Потянувшись эфирным телом, я проник в пытаемого. Минуту-другую вслушивался в речитатив терзаний, ловя ритм. Боль – великое искусство; плох тот неуч, кто умеет причинять, неспособный испытывать в полной мере. Уловив тональность, для пробы издал мерный вздох в терцию с отдаленным собачьим воем. Вполне. Изящно и со вкусом. Распространив эманацию дальше, изменил движение кисти у палача: широкие, вольные мазки, и бич наконец пошел с правильной оттяжкой. Нервные узлы пытаемого охотно откликнулись, давая понять: мы на верном пути.

Теперь: да будет свет!

Колыхнулись язычки пламени на жаровне, нежно лизнув клещи. Мерным basso continuo откликнулся огонь в очаге. Тени пришли в движение. Тихий, суровый хоровод.

– Итак, мерзавец! Где прячутся твои сообщники?!

Реплика из угла испортила все очарование ситуации. Деловитый вопрос ремесленника, бесчувственного к экстазу паузы.

– Зря, – разочарованно сказал я, оставив пытаемого и возникая напротив. – Вам не хватило такта. Или даже двух тактов. Вступать лучше с запозданием, это держит сцену в напряжении.

К чести короля, он не испугался. Палач, взыв, кинулся вон из застенка, но палачи – ужасные трусы. Никогда не беритесь пытаться палача, если хотите получить удовольствие. Зато короли... о-о-о!... ладно, сейчас не время для воспоминаний.

Перехватив палача в коридоре, я сломал ему руку и долго любовался матово-белым обломком кости. Потом вернулся обратно.

– Ты демон? Ты пришел за моей душой?

Похоже, деловитость была у Его Величества в крови.

– В определенном смысле. Что ты думаешь о мировом господстве?

– Звучит заманчиво. А что потребуется от меня, кроме души?

– Для начала сущая безделица. Зальем землю кровью, а там посмотрим. Ты даже представить не можешь, как важно для художника сперва загрунтовать холст.

Он задумался. Тени кружились вокруг первого рекрута Зла. Трогательный момент. И все-таки его деловитость... Я предпочитаю чистое искусство, но выбирать не приходилось.

– Давай поторгуемся. Я насчет души. Согласись, товар редкий, дорогой...

– Оставь ее себе.

– Ты шутишь?

– Ничуть. Я серьезен, как перекладина виселицы.

– Моей армии не хватит, чтобы вести длительные военные действия.

– Поднимем мертвых. Надеюсь, мертвецов в твоём королевстве достаточно?

– Какой давности? Разложившийся труп – плохой солдат.

– Ошибаешься. Из стариков получают штурмовые отряды. Я помню одного, дослужившегося до маршальского жезла. Этот гений блестяще разлагал моральный дух противника одним своим появлением под стенами.

– Мировое господство – дело долгое. Как насчет бессмертия? Иначе, боюсь, не успею.

– Прекрати эту гнусную торговлю! Ты король или ростовщик?! Хорошо, для начала ограничимся тремя тысячами лет вечной молодости. Думаю, успеешь.

– Успею. Давай сюда молодость.

– Давай сюда твою жену. Три дня мучительного жертвоприношения, и молодость тебе гарантирована.

Все-таки он был хорош. Глазом не моргнул.

– Я иду за женой. Если послать стражу, эта стерва может заподозрить подвох и сбежать. А так решит, что зову полюбоваться дыбой. Обожди здесь.

Присев на жаровню, я оглядел пытаемого. В сущности, там еще оставалось чем занять ожидание. Вот, например. И еще вот.

– А-а-а!.. – вопль оказался на редкость хорош. Звучный, утробный.

Прелесть.

– Что ты делаешь, демон?

– Развлекаюсь. Поторопись, мне скоро надоест.

– Иду. Кстати, спроси у мерзавца, где прячутся его сообщники!

«Куда катится этот мир?» – устало вздохнул я.

– Вон!!!

– Извини. Я думал, раз ты все равно скучаешь...

Мне стало противно. Зайду в следующий раз. Пусть помучится в ожидании.

Пытаемого я прихватил с собой.

Маг был лыс, склочен и могуч, как любой из некромантов Высшей Ложи.

– Окажу посильную помощь, – мрачным басом сообщил он, не оборачиваясь. – Оплата сдельная, по магистерским

ставкам.

В башне стоял беззвучный стон душ, заточенных в кристаллы. Словно комарье над беглым каторжником, угодившим в зыбун. От кожаных переплетов чудесно пахло свежесободранными девственницами и ножами отцеубийц, пущенными в переплавку вместе с владельцами. Из этого сокровенного металла делались угловые скрепы переплетов. Чучело оборотня скалилось в нише, под сушеной головой чародея-вредителя. Маленькой, размером с кулак грузчика, и способной прорицать по субботам, – правда, исключительно неприятности. Помещение напоминало «Башню слез», левую часть триптиха «Добро пожаловать!». Метатрон II, остроумнейший из живописцев, писал эту работу в тюремной яме, при свете луны, чтобы лучше передать динамику «погребной светотени». Доску под будущую картину он взял из днища затонувшего корабля работоторговцев, подрядив для этого спрута-падальщика, и загрунтовал ее «стойким маслом», о рецепте которого позвольте умолчать. У «Башни слез», помимо массы достоинств, имелся крохотный изъян: любуясь картиной больше трех с половиной минут, зритель-эстет попадал внутрь изображения, доставляя много удовольствия следующим любителям изящных искусств.

У этого некроманта есть вкус.

Приятная обстановка. Скромно, по-домашнему. Если б не мелкая заноза.

Их вечная деловитость...

– А за идею? Бескорыстно?

Маг смешал прах еретика с вытяжкой слезных желез василиска.

Осторожно нюхая смесь, пожал плечами:

– За идею выйдет дороже. Вам ли не знать? За комиссиями готов порекомендовать идейных коллег. Но, как честный злодей, вынужден предупредить: это либо бездари, либо жалкие лгуны. Перейдем к делу? Я очень стеснен во времени...

Оседлав гроб с позументами, я кивнул в ответ. Он по-прежнему не оборачивался, но воздух между нами клубился от мощных охранных заклятий. Молодец. Чувство прекрасного есть не у каждого, а что может быть прекрасней хорошего удара в спину во время мирных переговоров? Не удержавшись, я прочел собеседнику краткую лекцию на эту тему. В финале сдернув защиту одним рывком, словно насильник – покрывало с юной покойницы.

Некромант выслушал с вниманием.

– Надеюсь, вы не будете возражать, – он показал на «памятное зеркальце», где в глубине таяли мои тезисы и выводы, – если я опубликую ваши рассуждения в «Вестнике Полночи»? Разумеется, под своим именем?

– А если я откажу в вашей просьбе?

– Тогда я все равно опубликую, но уже тайно.

Вежливо одобрив решение мага, я еще раз понял, что не ошибся в выборе. Подлец, каких мало.

– Могу поставлять зомби в разумных количествах, – забубнил некромант. Повернуться и взглянуть мне если не в глаза, то хотя бы в мою сторону он по-прежнему избегал. Разумный человек. Хотя и слишком меркантильный. – Два, максимум три погоста в месяц. Обеспечу прикрытие внедренных соглядатаев. «Блудная завеса», плотность высокая, до трех личин в сутки. Имеются управляемые болотные огни для заманивания в трясины жен и родственников противника. Огненные ливни оптом со скидкой. Подселение тайных пороков, соращение полководцев условного врага, пропаганда суицида среди мирного населения, широкий ассортимент кощунств... Что вы делаете?! Прочь!!!

Я убрал руку от клетки.

– Почему вы кричите, милейший? Я всего лишь хотел ее погладить.

– Когтем? Вашим кривым, зазубренным когтем? Погладить?!

– Ну да. Кто это у вас? Зачарованный конкурент?

– Это мышка. Белая.

– Для вызова Крысего Щелкунца? Я вас понимаю, со Щелкунцом нужен тонкий подход...

– Геенна нараспашку! Какой еще Крысий Щелкунец? Просто мышка! С хвостиком!

– Вы потрясающе умеете скрывать правду. Восхищен столь мастерским притворством...

Я снова потянулся к мышке, желая на ощупь узнать, кто

скрывается под шелковистой шкуркой. И ошибся. Это действительно оказалась просто мышка. Белая. Мгновение или два я смотрел на издыхающего зверька: мышь корчилась на когте, слабо попискивая. К судорогам смерти, приятным во всех отношениях, примешивался легкий аромат безнаказанности и подлости, столь бессмысленной, что она превращалась в лакомство для гурмана.

– Мерзавец! Матильда, моя крошка! Хаш Трог’л ан-Грмайоо!..

Он был по-настоящему силен, этот лысый неврастеник. Мне-нынешнему пришлось изрядно попотеть, прежде чем я ушел, оставив за спиной развалины башни и обугленное тело безумца-некроманта. Труп мышки я унес с собой, намереваясь исследовать природу существа и обратить в какое-нибудь милое чудовище. Не может быть, чтобы опытный маг так разволновался из-за жалкой подвальной твари. Никак не может быть.

А если может – я правильно сделал, что стер его башню с лица земли.

В будущем Царстве Зла таким слюнтяям не место. Оскорбить в лучших чувствах своего Владыку...

– Добрый день, господин. Вас интересуют мои картины?

Я не ответил, поглощен созерцанием. Кажется, наконец повезло. Талант, бесспорный талант. Офорты, гравюры и масштабные полотна, выставленные в галерее, были способ-

ны вызвать восхищение у истинного ценителя (каковым, безусловно, является ваш покорный Владыка!) – и трусливый ужас у горстки никчемного сброда, кишащего вокруг.

Убог мир, где гений прозябает в безвестности!

Рука живописца творила чудеса. Многообещающий прищур монстра-искусителя, восхитительная похоть в гримасе совращаемого; сладостные гвозди под ногтями, прописанные до мельчайших подробностей; языки пламени вырываются из окон детского приюта... В сравнении с моим любимцем Метатроном II не хватало самой малости: непосредственного знания предмета. Дар должен опираться на опыт, иначе как по-настоящему проникнуть в душу зрителя, переделывая ее к худшему?

– Вам нравится?

Робкая надежда в голосе. Ну конечно, в окружении ничтожеств он вынужден испытывать лишения, заботиться о хлебе насущном, впадать в отчаяние от непонимания толпы. Но именно благодать мучений отточила талант до остроты вскрывающей горло бритвы.

– Хотите приобрести? Я возьму недорого...

– Недорого?! Опомнитесь, маэстро?! Ваш дар не имеет цены! Это я говорю вам как знаток.

– Благодарю, господин. Мои картины редко покупают. Люди пугаются. Они хотят чего-нибудь более светлого...

– Ха! Светлого! Пошленький натюрморт с яблоками среди лилий! Слюнявый пейзажик с пастушками и овечками!

Позор!

– Надо ли столь пренебрежительно отзываться о моих коллегам, господин? Среди них встречаются большие мастера. Просто мало кто видит так, как я...

– Разумеется! Вы истинный певец Зла!

– Певец Зла? Помилуйте!

– В данном случае вы, друг мой, обратились не по адресу. Не помилую.

– Тогда хотя бы поймите! Я – скромный художник, которого по ночам мучают кошмары! Выплескивая их на холст, я желаю избавиться от проклятых снов...

– Мучают?! Избавиться?!

– Конечно! А мои картины... Они выходят столь ужасными, что многие не выдерживают.

– Не клеветщи, глупец! Они прекрасны!

– Спасибо на добром слове, господин...

Он печально потупился. Пряди сальных волос, свисая из-под шляпы, упали на восковое лицо. Крайне эстетичное, можно сказать, одухотворенное лицо – щеки запали, глаза горят... Похоже на обтянутый пергаментной кожей череп. Если бы он еще молчал!

– ...мне кажется... я надеюсь, что люди, глядя на них, становятся чище. Пусть самую малость, но все же... Зло уходит из сердец, я собираю свинцовую мерзость мира на своих холстах – и вокруг становится хоть чуточку больше солнца. По крайней мере, я на это очень надеюсь... Купите хотя бы

офорт, господин! Я не ел третий день...

– Ты мечтаешь о презренном металле? О пище телесной?! Разве тебе не говорили, что настоящий художник должен быть нищ и убог? Что гению положено страдать и умереть от чахотки под лестницей?! Чудак, я дам тебе большее, чем деньги и пища! Ты даже не представляешь, как тебе повезло!

– Вы очень добры, господин...

– Я? Добр?! Что за чушь?! Маэстро, я открою тебе глаза! Увидев Тьму наяву, а не в кошмарах, ощутив исконную прелесть Зла, ты наполнишь свое искусство новым...

– А-а-а! Изыди! Я узнал тебя!

– Да я, в общем-то, и не прятался...

– Ты демон из моих снов! Прочь! Я не хочу!..

– Хочешь. Просто стесняешься.

– Нет! Не надо!..

– Это кричит слабая плоть. Низвергая дух в пучины величия. Перестань дергаться, ты мне мешаешь...

– ...!!!

Когда я уходил, он еще кричал. Потом перестал.

Расстроенный, я поджег галерею. Вместе со зрителями, которым предусмотрительно не дал убежать. Но и пожар не вернул мне покоя.

Ужасный век! Ужасные сердца!..

– Урна для пожертвований возле входа, – сказал святой, приветливо улыбаясь.

Днем раньше я видел, как, председательствуя трибуналом, он одобрил сожжение ведьмы, рыжей дурочки, сознавшей-ся после пыток. У ведьмы под мышкой было родимое пятно в форме дубового листа, что служило несомненным признаком связи со мной. Я девчонку видел впервые. Ведьмовской силы у рыжей было как у вервольфа – милосердия. Подписав приговор и проследив за аутодафе, дабы жертва не сгорела слишком быстро, святой отправился в холерный барак и провел там весь остаток дня, ухаживая за больными.

– Купите мальчика для Черной Мессы? – спросила мать, с пониманием глядя на мой облик. – Хороший мальчик. Крепкий, здоровый. Надолго хватит, если с умом.

– Небось дорого запросишь?

– Сторгуемся, господин. Нам бы до весны протянуть...

Ей, вдове солдата-наемника, убитого при осаде монастыря, нечем было кормить оставшихся детей. Во мне она видела приемлемый и не слишком обременительный для семьи выход.

– Он все равно бы умер, – закончил лекарь, с усталостью глядя на судьей. – Я избавил беднягу от долгих мучений. А теперь делайте что хотите.

– У вас есть пожелание больного умереть в письменной форме, заверенное нотариусом графства?

– Нет. Он уже не мог держать перо.

– Вас повесят.

– Хорошо.

Лекаря повесили. Дома судьи сказали женам, что сердцем понимают благородство поступка. Но закон есть закон. Если все лекаря начнут...

– Умница, хорошая собачка! – приговаривал лесник, глядя по загривку довольного волкодава. Неподалеку, лицом в траве, лежал задушенный браконьер. На обратном пути лесник рассуждал о пользе запрета охоты на оленей в королевских лесах. Волкодав внимательно слушал хозяина. Потом зарычал на проезжавшего мимо вельможу, и по приказу последнего лесник застрелил собаку из лука. Вельможа одарил послушного лесника кошельком денег. Вернувшись в деревню, часть монет лесник отдал дочери погибшего браконьера, своей двоюродной племяннице; еще пять грошей серебром потратил на покупку щенка. Маленького, лопоухого.

– Бу-у-у, – радостно приговаривал двухлетний малыш, обрывая мухе лапки.

Присев рядом на корточки, я отрастил мухе еще два десятка лапок. Чтобы доставить ребенку удовольствие.

Дитя заплакало и убежало.

Что-то ужасное творилось со Злом. Но и Добро было не в лучшем состоянии.

...грязь. Пошлая, бестолковая и, что самое главное, бесполезная. Сама мысль о происходящем была противной, словно тайный извращенец пропитал ее мерзостью сандала вперемешку с изысканной желчью долотерия, издыхающе-

го от бледной немочи. Где былое величие мира? Где мои верные слуги, всякий раз тысячелетиями ждавшие явления Владыки, копя силы и ярость: восстать против узурпаторов! опрокинуть! стереть в порошок!.. Где глуповатые, но до конца верные принципам Адепты Света? Война с ними, по крайней мере, увлекала. Да, я пытал пленников и добивал раненых, но пытал и добивал с искренним уважением! Каждая игла под ноготь, каждый стилет в печень был напоен этим уважением, сладким и возвышенным, как яд гадюки! А *эти*?! Никчемные союзники, жалкие противники. Их желания мелочны, их стремления суетны и непостоянны, им нет дела до благодати Нижней Тьмы, им безразличен Вышний Свет. Муравьи копошатся в своей куче, безразличны к идеям, а значит, и к идеалам, которые тысячелетиями двигали миллионные армии, раз за разом перекраивая лик мира...

Светлый Владыка, хрен старый, ты что, не сумел воспользоваться плодами победы? Упустил, проморгал, недоглядел?! – и, пока я спал, мир покатился в тартарары, слился в противоестественном инцесте...

Не верю!

Я потянулся к горизонту и дальше, за край, раскидывая тончайшую паутину на пределе теперешних возможностей.

Ну же!

...шершни коварства жалили робко и несмертельно, оставляя после укуса лишь раздражающий зуд; мотыльки благих помыслов безропотно и со стыдливым удовольстви-

ем отдавались жирным гусеницам похоти – но и те, завершив соитие, спешили закуклиться, дабы выпорхнуть из коконов бабочками тайного раскаяния; зеленые мухи вожделем были одинаково падки на благоухающий навоз и мерзкий мед; беззаботные кузнечики талантов и мрачные скорпионы пороков грызлись друг с другом из-за доли в прибыли, по ходу дела спариваясь и рождая потомство; но больше всего кишело деловитых жуков благоразумия и скарабеев осторожности – они запасливо тащили в норы все, что плохо лежит, но, готовые сожрать соседа за лишнее зернышко, мгновением позже с легким сердцем делились частью добычи с беспомощной букашкой, зашивая порванное крыльце...

Это не мир! Это отхожая яма!

И вдруг на самом краю паутины, разрывая нити, далеко-далеко за небокраем, жгучим холодом ослепительно вспыхнула белоснежная игла!

Все-таки я нашел Белых!..

«Или они – меня», – мгновением позже пришел испуг, похожий на гнев.

Но я уже распахнул крылья.

Раньше мне никогда не удавалось добраться до Цитадели Света. Сияющие шпили пронзают облака, галереи сплетаются в невесомое кружево, белизна стен режет взгляд. Любимый враг куда приятнее жалкого союзника. А входной портал, между прочим, открыт. Мерцает гнусным серебри-

сто-розовым туманом. Входи кто хочешь, будь как дома, раз-
носи Цитадель по камешку...

– Есть кто-нибудь?!

Тишина.

Холл пуст.

– Эй! Люди добрые!

Добрые люди не отзываются. Вымерли?!

Белого Владыку я обнаружил лишь спустя три часа. Чер-
тыхаясь и проклиная архитектора Цитадели, сбив ноги в
кровь, страдая одышкой и, против обыкновения, не испыты-
вая от этого никакого удовольствия, я случайно заглянул в
комнату для прислуги...

– Святая Тьма!

Он играл в «Смерть Владыки» сам с собой.

– О Светлый Властелин, приветствую тебя в твоей обите-
ли...

– Вино в шкафу, в кувшине. Если осталось. Выпей и за-
ткнись. – Он помолчал и добавил: – Без тебя тошно.

– А со мной?

– Еще не знаю. Мы ведь с тобой никогда не разговаривали
с глазу на глаз.

– А под Алармором?

– Ну, если ты считаешь ультиматум разговором...

– Ты видел? – не выдержал я, тыча рукой в окно. – Ты
видел все это непотребство?!

– Хуже. Я его сделал.

– Не понял?

– И не поймешь. У тебя когда-нибудь возникало желание улучшить сотворенное?

– Нет. Только ухудшить.

– Ты когда-нибудь верил в истинную светлую природу всего сущего?

– Я похож на сумасшедшего?

– Вот поэтому я и говорю: не поймешь.

– А ты попробуй.

– Ладно. Что ты делал после очередной победы?

На миг забыв об ужасной метаморфозе, постигшей бытие, я счастливо расхохотался. Победа! О, победа и ее плоды! Загнав Белого в четырехтысячелетний сон, я всей душой, существование которой у меня под вопросом, отдавался обустройству мира. Рушил уцелевшее, искажал соразмерное, добивал сдающихся, пытал парламентариев, плодил извращенцев, топтал посевы (мелочь, а приятно!), переселял дриады в пустыни, а эльфов ставил надсмотрщиками в рудниках; тьма расплзалась над континентами, плотоядно облизываясь, ужас вставал из глубины вод, и кошмар спускался с небес...

– Тебе было хорошо?

– Да. Мне было хорошо.

– Ты хоть раз пытался уничтожить Свет до конца?

– Станный вопрос. Конечно же, нет!

Наверное, от одиночества он слегка рехнулся. Исчезни

Свет совсем, кого тогда ужаснет Тьма?! Остатки его последователей, последние королевства Света, обители Добродетели и очаги Благодетельства я берег, как зародыш Вульрегина. Нянчился с безрукими и тупоголовыми святошами, внушал надежду, чтобы позже опрокинуть в бездну отчаяния, провоцировал мятежи, дабы было что подавлять с особой жестокостью; вступал в мирные диспуты с проповедниками, исподволь роняя зерна сомнения в их наивные сердца; поощрял целомудрие, этот неиссякаемый источник девственниц для моих драконов; способствовал градостроительству (с вполне определенной целью!); травил поля саранчой и хохотал до слез, глядя, как добрые поселяне, исповедуя принципы ненасилия, аккуратно сгребают кусачих тварей метелочками и переносят на клевер...

Собственно, методы моего Светлого Оппонента в случае его победы были сходными. Восстановив разрушенное и укрепив власть, он ничего не мог поделать с баронствами Тьмы и герцогствами Мрака, которые благоразумно сдались на милость победителя. Карать сдавшегося было невыносимо для его природы. Он прощал, отпускал грехи и довольствовался убеждением, где требовался меч, проповедаями вместо огня и увещеваниями взамен кнута. Лишь когда упрямы зарывались, наступая Белому Владыке на все моли разом, в ход шли могучие алакритасы, суровые кандиды, возвышенные белларумы с огненными мечами, а также когорты альбасанктусов, витагаудов, люкс-дефенсоров и бо-

нусов в сверкающих доспехах.

– Ты всегда был мудрее меня. Наверное, потому, что сердце мудрого – в доме печали, а это твой дом. Я же неизменно лелеял надежду закончить партию раз и навсегда. У каждого свои слабости. И однажды на меня снизошло озарение, будь оно неладно. Если природа всех существ изначально, в самой своей основе, добра – как я искренне полагал! – если в ней нет места тьме, а тьма привносится снаружи, во время насилия...

Пока он грустно молчал, глядя поверх игровой доски, я наведалься в отвратительно светлый подвал, нацедил из бочки кувшин амонтильядо и вернулся. Налил ему кубок, поднес и машинально взглянул на доску.

Там был пат.

– ...короче, я пришел к странному выводу. В случае моей победы само наличие в мире Белого Владыки делает невозможным всеобщее Царство Добра. Я – инструмент насилия. Сопrotивляясь моему давлению из сословных, принципиальных, территориальных, религиозных или просто вольнолюбивых соображений, часть существ не имеет возможности проявить истинную природу. Которая, как мы уже выяснили, изначально добра.

– Отличный парадокс. Твое здоровье!

– Спасибо. Тебе нравится эта теория?

– В целом изящно. Кроме исходной посылки.

– Я знал, что ты оценишь.

– И как же ты воплотил теорию на практике?

– Я ушел. Совсем. Позволив сокровенным зернам проявиться во всей прелести урожая.

Я не стал спрашивать, как ему нравится урожай. Добивать павшего в моих привычках, но даже у Зла бывают минуты слабости.

– А благие воинства Света?

– Скрылись в Лилии. Говорю ж: инструмент насилия...

– М-да. Люблю теоретиков, погибших правды ради. Ибо их есть. Ну и как нам теперь, по твоей милости, эту кашу расхлебывать?!

– Не знаю. Все так безнадежно перепуталось... – Он вдруг выпрямился. Сверкнул ослепительным, памятным мне по былым дням, взглядом. – Что ты сказал?! *Нам?!*

После этого мы оба долго молчали. Затем, не сговариваясь, потянулись к доске, где царил вечный, безнадежный, бесцветный пат, – и смешали фигуры.

– Когда начнем?

– Немедленно!

Стена вставала над миром. Величественная в неумолимости рока. Два цвета, которые лишь в страшном сне могут смешаться друг с другом. Враг с врагом. Сохранив перевозданную чистоту. Впервые от начала времен – плечом к плечу. Вместе. Черное и белое. Воинства Света и легионы Тьмы. Беспощадные мортиферы и светозарные белларумы,

мрачные ферроррки и благородные альбасанктусы, зловещие либитинии и вдохновенные кандиды, смертоносные инфернефусы и гневные алакритасы, ощерившиеся бестистраги и полные решимости люкс-дефенсоры...

Стена вставала над миром. Готовясь очистить лицо бытия от мерзкой накипи, бурой пены, скопища уродцев, презревших величие идеалов, опозоривших грандиозное противостояние Порядка и Хаоса, Добра и Зла, Тьмы и Света.

Пестрое, как трико шута, болото дрогнуло, попятилось в ужасе – и вдруг, словно устыдившись собственного малодушия, остановилось. Загнанная в угол кошка выгнула спину. Вздрыбила шерсть. Полыхнула по хребту кроваво-алой полосой. А над ней уже вздымалось яростное, оранжево-охристое пламя, вскидывая выше – еще! еще выше! – лимонную желтизну. Сквозь желтые барханы пустыни проросла изумрудная зелень лесов, и пронзительно-чистая лазурь раскинулась над лесом, переходя в глубокую синеву. Фиолетовая корона поздних сумерек венчала творение. Стена против стены. Радуга – против черно-белого.

Мир принял вызов.

Две стены тронулись с места.

Сошлись.

* * *

– Да буду Я!

Кошмар отпускал неохотно. Кипел, содрогался; затихал. Приснится же такое! Неизведанное чувство терзало сердце (у меня уже есть сердце?!); темное и вместе с тем чужое, оно вцепилось в добычу острыми коготками.

Страх.

Я боялся проснуться.

Выйти наружу.

Узнать ответ.

Дуэль

*Из личной коллекции сплетен Эдварда
II, литературная обработка Феликса
Думицкопфа, королевского сентенциографа.
Копия с высочайшего позволения передана
Гувальду Мотлоху, верховному архивариусу
Надзора Семерых, для сохранения в веках.
Публикуется согласно эдикту «О частичном
просвещении», после письменного согласия
частных лиц, имеющих касательство.*

– Томас Биннори? – переспросил молодой казначей.

– Совершенно верно!

– Бард-изгнанник?!

Казначей звали Август Пумперникель. Был он молод, нагл и непосредственен, как всякий избалованный удачей юнец, а также талантлив, как дьявол. Подкидыш, безвестный сверток в приюте для сирот, тринадцати месяцев от роду Август по совокупности признаков был отобран скопцами-арифметами из Академии Малого Инспектрума, где и прошел восемнадцатилетний курс обучения. После чего, отказавшись от почетной кастрации, без которой место на кафедре Ака-

демии для выпускника запретно, Пумперникель вступил в должность главного казначея Реттии, был обласкан Эдвардом II, покровителем талантов, и возгордился сверх меры. Гордость молодого человека имела под собой основания. Август мог сосчитать капли в море и шерстинки в хвосте любимого ослика принцессы Изабеллы Милосской, вспомнить сумму недоимок по округу Улланд за позапрошлый год, с точностью до двух-трех грошей, и – о чудо! – без промедления указать текущую задолженность по выплатам столичным мусорщикам и золотарям.

Последнее удавалось прошлому казначею лишь после часа медитации.

Сейчас господин Пумперникель, впервые посетив знаменитые термы Кара-Каллы, место собрания первых людей королевства, блаженно кряхтел под пятками разговорчивого банщика, по совместительству – плясуна-массажиста. Любопытство обуревало казначея. После аскетизма Малого Инспектрума местная роскошь приводила душу в плохо скрываемый восторг, а нос задирался до небес, словно, кроме звезд, гениальный выскочка больше ничего считать не желал.

– Вы прекрасно осведомлены, мой господин! – Банщик упал коленками на лопатки казначея. Стал умело елозить, исторгая ответные стоны. Издалека это могло бы показаться сценой из малопристойного спектакля «Любовь земная и небесная». – Из-за печально известной истории с королевой

фей и «Паховыми стансами», вызвавшими неудовольствие женщин Народца-Полых-Холмов, сэр Томас был вынужден покинуть Верхний Йо и перебраться к нам. Король, да продлит небо дни Его Величества, приблизил барда: Эдвард II внимает перед сном песням Биннори, а королева Ядвига раз в неделю требует новую балладу о похождениях благородного разбойника Чайльд-Гарольда Пышные Усы.

– А вон та удивительная парочка?

– О-о! Это Рудольф Штернблад, капитан лейб-стражи, и боевой маг Просперо Альраун...

Банщик ладошкой зажал себе рот, словно проговорился о государственной тайне. И быстро поправился:

– Кольраун! Просперо Кольраун, разумеется! Упаси вас Нижняя Мама, мой господин, вслух повторить ошибку глупого банщика...

– Даже учитывая расположение ко мне Его Величества? – Гордость Пумперникеля была уязвлена.

– Не мне, маленькому человеку, взвешивать расположение короля и мстительность чародея! Вы же, мой господин, человек большой, вам и карты в руки!

Пропустив шпильку мимо ушей, Август Пумперникель взгляделся. Двое людей, привлечших внимание казначея, сидели у бассейна с лечебной грязью. Один, расположась на бортике и свесив тощие ножки в грязь, был мал и щупл, словно принц цветочных эльфов, уместившийся на лепестке тюльпана. Узкие плечи, тоненькие запястья. Ниточки му-

скулов натянуты кое-как, местами провисая: такая арфа волей-неволей сфальшивит. Рыбий хребет выпирает, грозя порвать кожу на сутулой спине. Копна ярко-рыжих, скорее всего, крашенных хной волос, заплетенная в множество косичек, лишь подчеркивала subtilность телосложения. На лице малыша застыла брюзгливая, обиженная гримаса, словно он только что обнаружил пропажу кошелька. Неподалеку от смешного крошки, за столиком с фруктами, в кресле расположился атлет. Торс, достойный полубога, глыбы бицепсов, броневые пластины грудных мышц. Ноги атлета достойны были попирать твердь в день творения мира – и в свое время успешно попирали, ибо скульптор Анджело Яниц, работая над «Зиждителем», в качестве модели выбрал именно сего красавца.

Атлет дремал, прикрыв глаза.

– Маленький и есть капитан Рудольф, – помолчав, добавил банщик как бы невзначай. – А который побольше, это боевой маг Просперо.

Молодой казначей охнул, но не уловки массажиста явились тому причиной.

– Ты рехнулся!

– Если вам так угодно, мой господин.

– Рассказывай!

Вскоре Пумперникель узнал много такого, что в термах Кара-Каллы, кроме собственно казначея, знали все. Например, историю Рудольфа Штернблада, сына гвардейско-

го блиц-прапорщика, в детстве – ребенка скорее дородного, чем заморенного скудным питанием, и сразу при рождении записанного в полк. К шестнадцати годам будущий гвардеец подавал большие надежды в искусстве владения алебардой, затем женился по отцовскому велению, зачал даже наследника, но, насмерть обидев отца и юную жену своим поступком, удрал из семьи. Достиг порта, неделю голодал в трюме мирного купеческого драккара «Змей Вод» и, обессиленный, в конце концов ступил на берег острова Гаджамад. Здесь, по слухам, скрываясь от назойливых зевак, обитали мастера школы «Явного Пути» – лучшие из лучших, кобры меж людей, тигры меж ланей, благодаря двум исповедуемым ими принципам. Первый гласил: «Уважение! Враг должен ясно понимать, что ты с ним делаешь!» И, скажем без обиняков, принцип соблюдался неукоснительно: все покойные враги перед смертью обладали необходимыми сведениями в должной мере. Второй же принцип утверждал: «Скромность! Самый великий воин выглядит безобидней мотылька!» Исходя из этой посылки, «явнопутцы» отбирали учеников: желающий присоединиться к ним должен был отыскать на острове самого безобидного человека и уговорить последнего стать учителем новичку. Пылкий Руди, узнав об испытании, провел день в поисках, к вечеру забрел в хижину безрукого старца-рыбака, разбитого параличом. У циновки старца плакал голодный младенец, правнук калеки, но Рудольф наотрез отказался кормить дитя, пока просьба гостя

не будет удовлетворена. Всю ночь он сиднем сидел у входа, младенец плакал, потом заснул, потом опять стал плакать, а старик мычал, тщетно пытаясь уползти прочь.

Утром мастер Ша Лац согласился взять нового ученика.

Кто из двоих обитателей хижины был мастером Ша, история умалчивает.

Через двадцать лет в Реттию вернулся новый Рудольф Штернблад – существо комариного телосложения и сварливого, но безобидного нрава. Еще через год, после смерти короля Эдварда I от солнечного удара, бывший принц, а теперь Его Величество Эдвард II включил Штернблада в число личной охраны. Капитанский патент Рудольф получил буквально через месяц, после непродолжительной схватки отправив на тот свет предыдущего капитана – изменника, мздоимца и сторонника династии Лже-Бигорров.

– Надеюсь, что в аду, – злорадно добавил банщик, умащая поясицу казначея медом диких ос, – негодяй, изменивший присяге, обречен вечно терзаться: «Ах, если бы не встречный выпад в кварту! Все могло бы сложиться иначе!..»

– А маг? Просперо Альраун?

Атлет в кресле шевельнулся, словно услышав свое прозвище, но открывать глаз не стал. Все его могучее тело дышало истомой.

– Чш-ш-ш! Ну я же просил вас...

История мага Просперо оказалась куда более прозаичной. Сын Авеля Кольрауна, заклинателя ветров, и Хусской си-

виллы, мальчик с ранних лет проявил расположение к боевой магии. Родители много натерпелись с неслухом, ликвидируя последствия его забав и выплачивая компенсацию соседям, пока сам Нихон Седовласец, прослышав о таланте Просперо, не явился в семью Кольраунов. Когда чародей увел нового ученика прочь, соседи устроили праздник; родители же поставили благодарственную свечку Нижней Маме. Чему именно учил Нихон юного сорванца, осталось тайной, но вскоре гробница Сен-Сен стала вновь открыта для богомольцев, ибо там не осталось ни одного демона-людоеда, а некроманты Чурихского замка по сей день восстанавливали сожженную дотла Башню Таинств: отстроенная, в ночь с четверга на пятницу башня опять вспыхивала, сгорая до основания. Так что девственницы Чуриха могли спать спокойно, равно как и мертвецы тамошнего погоста, — некромантам, поглощенным строительством, было не до них.

Подвиги же Просперо на ниве службы Реттийскому престолу служили неисчерпаемым источником вдохновения менестрелей.

Одно было известно доподлинно: сам Седовласец, маг преклонных лет, и в старости был богатырем, всячески добываясь от учеников мощи телесной. Боевая магия Нихона требовала изрядных сил, которые черпались именно в крепости мышц дельтовидных, икроножных, ягодичных, грудных, широчайших и прочих, а также в упругости суставов и кипении жизненных соков. Дважды в день, на рассвете и

на закате, Просперо запирался в комнате для бдений, выходя оттуда еще могучей, чем вошел. При этом накопленную силу следовало расходовать осмотрительно, приберегая для Веерных Заклятий, Поцелуя Судьбы или иной смертоносной магии, – никто не видел, чтобы маг поднял что-то тяжелее кувшина с вином, ускорил шаг или лишний раз пошевелился там, где можно было сохранять неподвижность. Большую часть времени Просперо проводил в креслах и на диванах, в банях и загородных виллах для отдыха, лелея мускулатуру для дел куда более возвышенных, нежели грубая физическая работа. Холостой, бездетный, он очень любил женщин, быстро приходя к соглашению с прелестницами, но ночи любви проводил в расслабленных беседах о пустяках. Не забывая перед разлукой одарить собеседницу наведенными воспоминаниями. «О, Просперо! – только и отвечали дамы на вопросы подруг, сладострастно вздыхая. – О-о! Волшебник!»

– Но почему Альраун?

– Вы погубите нас, мой господин! Ну разве что на ушко...

На ушко выяснилось, что капитан Рудольф и маг Просперо – давние приятели. Бились бок о бок с врагами, мылись плечом к плечу в термах. Подшучивали друг над дружкой. Спорили до хрипоты – верней, хрипота была уделом Рудольфа. Просперо голоса не повышал, экономя силы, но и уступать в спорах не желал. Племянница мага вышла замуж за сына капитана. Общий пай в корабельных верфях Турриста-

на. Общий знакомый Томас Биннори, слагавший песни про обоих, – именно бард и пошутил однажды насчет Альрауна. Всем известно, что альраун – корешок мандрагоры, иначе «виселичный человечек», – выкопанный ночью под трупом повешенного, приносит удачу хозяину. Правда, надо уметь выкармливать и ублажать сволочной корешок, потакая капризному нраву, но это дело наживное. Особенно помогает альраун солдатам. Как поется в балладе: «Если смерти – то мгновенной, если раны – небольшой...» Но «висельник» свободолюбив и всегда норовит сбежать; если же ему это удастся, то корешок начинает жить собственной жизнью, часто вырастая до вполне человеческих размеров. Таких псевдолюдей сложно отличить от людей, рожденных женщиной. Разве что по их необыкновенной удачливости...

– Вот сэр Томас и предположил смеха ради, что маг Просперо – сбежавший от капитана Рудольфа альраун.

– И что сам Просперо?

– Рассмеялся.

– Так почему ты меня пугаешь?

– Это он сэру Томасу рассмеялся. А ежели вам, господин мой, рассмеется, то может вовсе невесело выйти...

Следующие полчаса массажа были доверху заполнены увлекательными историями. Битва у Семи Зеркал, где Просперо неделю отражал налеты Василиска Прекрасного, с флангов поддержанного сворой драконышей, мелких, но гадких; покушение в Брэквудском лесу, когда, заслонив со-

бой Его Величество, капитан Рудольф убедил Дикую Охоту раскаяться и отойти в мир иной; поединок мага с Септаграммой Легатов, в результате чего Заклятье Благих Намерений вошло во все учебники по боевой магии; осада Вернской цитадели, после которой благодарные вернцы поставили на площади Свободы конную статую Неистового Руди; ту-ги-гильотинеры тайком пробираются в дом Просперо, превращая все двери в страшные орудия своего ремесла; Бумажный Всадник преследует Штернблада, охваченного наведенным безумием, в затопленной столице; Шестидневная война, бунт Чистых Тварей, оккупация Летиции, мятеж зомбийского полка копеейщиков...

И тут казначей не выдержал.

Рассудок, способный без передышки жонглировать цифрами и фактами, размяк в ласковых объятьях дремы, освобождая сердце – сердце мальчишки, талантливого сопляка, лишенного детства волей скопцов-арифметов.

– А если один на другого налезет?! – задумчиво, но очень громко сказал Август Пумперникель. И мигом поправился, соблюдая приличия этикета: – То есть сойдишь они в поединке... Клянусь годовым бюджетом королевства, я бы поставил на капитана!

Атлет в кресле шевельнул уголком рта. Усмехнулся, значит. Малыш у бассейна легко дрыгнул ножкой, разнеся вдребезги угловой изразец. «Глупости», – сказали фрукты в вазе; «Глупости», – подтвердили осколки изразца, и пар над водой

сложился в обидный кукиш. Но слово прозвучало. Дурацкое, нелепое слово в колпаке с бубенцами, – оно вприпрыжку забегало по термам, приставая к серьезным людям, к важным господам. «Кто кого?! А вы как думаете: кто кого?!» На миг, но сверкнули глаза. Мимолетно, но языки облизали пересохшие рты. Азарт пропитал воздух, отшибая аромат курений. Взгляды ударили в двоих: кто? кого?! Брови изломались вопросительными знаками: а если?! Пальцы отбили смертельную дробь: а вдруг?!

Первым сдался бард Томас Биннори. Творческие люди, они скатываются в мальчишество быстрее прочих:

– Поддерживаю! На капитана Штернблада!

– Я бы предпочел мессира чародея, – осторожно заметил министр псевдоизящных искусств. – Духовность, она, знаете ли... не чета грубой силе.

– Разумеется, мы рассуждаем чисто гипотетически! – главный королевский хлебодар поклонился сперва капитану, затем магу. Но сам порядок поклонов говорил, на кого поставил бы хлебодар.

– Шпага против посоха? Ставлю на посох!

– Посох веки!

– На шпагу!

Рудольф Штернблад нервно крошил в пальчиках второй изразец, словно краюху хлеба. Крошки он щелчком отправлял на другой конец терм, в отверстие водостока, ни разу не промахнувшись. Просперо Кольраун движением ресниц

разломил большое краснобокое яблоко на восемь долек. Ваза качнулась, но чародей быстро восстановил равновесие.

Друг на друга оба старались не смотреть.

Задумаешься: «Странная опаска? К чему бы?!» – а там махнешь рукой, плюнешь трижды через левое плечо и бросишь задумываться не ко времени. Во избежание. Потому что внутренний голос, удивительным образом помолодев, спросит: «Слушай, братец... А если?!»

– Ну, допустим, на расстоянии копейного броска...

Капитан Рудольф отломил третий изразец. Щелчком разбил керамическую плитку на пять узких, заостренных полос. Взмах тоненькой ручки, и вся пятерка «дротиков» вонзилась в столик, рядом с которым отдыхал маг, образовав правильную звезду.

Три дротика из пяти плавилась, наткнувшись в полете на улыбку Просперо.

Оставшиеся два вибрировали, трескаясь и рассыпаясь.

Зато под доблестным капитаном подломился бортик бассейна, и Рудольф Штернблад рухнул в замечательную, ароматную, крайне лечебную грязь. Казначей зажмурился, ожидая града брызг, но грязь осталась незамутненной. Тельце воинственного крошки сделало в воздухе «мыльную петлю», лапка уцепила противоположный край бассейна, и спустя долю секунды глава королевских телохранителей вновь сидел на бортике как ни в чем не бывало. Единственная грязевая плюха обильно заляпала лицо волшебника, но почти сразу

исчезла, а сочная груша в вазе сочла себя летучей, шарахнув Рудольфа в висок. Одновременно Просперо успел сделать особый пасс, накладывая Медленный Заговор. В итоге капитан опоздал увернуться, всего лишь проткнув грушу в полете тычком пальца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.